

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Дом Лучича (Портнова)

Перечисляя несохранившиеся пушкинские здания, первый серьезный исследователь этой проблематики В.А. Чарнецкий упоминает и дом Ф.Л. Лучича – ул. Жуковского, № 38, Александровский проспект, № 6.¹ *Филипп Лукьянович Лучич* – довольно значимая фигура в Одессе той поры: коммерции советник, городской голова в 1824-1827, 1830-1833, 1839-1842 гг.,² с начала 1822 г. вместе с И.С. Ризничем входил в директорат Одесского коммерческого банка,³ член правления Ришельевского лицея и проч.,⁴ пушкинский знакомый.⁵

Общеизвестно, что Пушкин упоминает Лучича в письме к своему приятелю, чиновнику и поэту В.И. Туманскому, из Михайловского от 13 августа 1825 года. Речь идет о том, что за несколько дней до отъезда из Одессы, то есть в 20-х числах июля 1824-го, Пушкин играл в карты в доме Лучича с хозяином и таможенным чиновником А.П. Савеловым, выиграв у первого 900 рублей. На следующий день Лучич вернул Пушкину 300 из этого проигрыша, а 600 перевел на своего должника, Савелова, с его, естественно, согласия. Но впоследствии этот последний непорядочно отказался от своего слова.⁶

Оный сюжет интересен нам в том отношении, что его контекст явно свидетельствует о неоднократном посещении Пушкиным дома Лучича, о том, что отношения меж игроками были сложившимися, устойчивыми. На сегодняшний день об этом строении

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-79.

мы ровно ничего не знаем, ибо в градостроительной хронике зафиксирован лишь новый дом, построенный на том же участке Лучичем, документы на который он получил 10 декабря 1828 года.⁷ Возникает несколько вопросов: каким образом предшествующее сооружение оказалось во владении Лучича, когда, у кого оно приобретено и что собой представляло? Ответам на эти вопросы и посвящены наши разыскания.

Интересующий нас участок находится в пределах IV квартала Греческого форштата, под № 29 и смежными.⁸ Согласно реестру раздачи мест под застройку в сентябре 1794-го, № 29-32 в этом квартале отданы штаб-лекарю Миклашевскому⁹ – это было не только угольное место по будущей Почтовой улице и Александровскому проспекту, но и почти весь квартал непосредственно по Почтовой. Застроил ли этот фигурант отведенные ему места? Из плана, составленного военным инженером Е.Х. Ферстером около 1802 г.¹⁰ и высочайше утвержденного в 1803 г., как будто следует, что не застроил, ибо строения в этом квартале обозначены только со стороны будущей улицы Полицейской. Кто же в таком случае был здесь первостроителем? Ответ находим в одном из дел Одесского строительного комитета. 13 ноября 1818 г. именитый гражданин *Ларион (Илларион) Портнов* просит узаконить за ним места № 29–32 в IV квартале Военного форштата (к тому времени этот квартал, как и вся территория меж Преображенской улицей и Александровским проспектом, фактически откололись от Греческого и примкнули к Военному форштату; впрочем, официального разделения на форштаты тогда уже не существовало, город разделялся по частям, а прежнее разделение бытовало по старинке).

Портнов пишет, что более 20-ти лет назад обзавел на этих пустопорожних местах дом и сад, причем его правоту засвидетельствовало пятеро авторитетных старожилы, в том числе Осип Сапожников, Семен Андросов, Сидор Ширяев.¹¹ 18 ноября прошение обсуждалось в Строительном комитете. Сверились с журналом инженерной команды, занимавшейся отводом участков в конце XVIII ст. Оказалось, что в 1795 г. № 29–30 числятся за надворным советником Иваном Боршаниновым (Боряниновым?), а № 31–32 за упоминавшимся штаб-лекарем Миклашевским, однако оставались пустопорожними, и более 20 лет назад застроены

Портновым. Принимая вышесказанное во внимание, места со всеми обзаведениями Комитет за ним узаконил.¹²

Весьма любопытны касающиеся тех же обзаведений архивные данные, фиксирующие статус-кво буквально месяцем ранее. 12 октября 1818 г. по предписанию Строительного комитета городской архитектор, титулярный советник Александр Дигби, освидетельствовал «дом именитого гражданина Портнова, состоящий на Греческом рынке» (ареал этого базара был довольно расплывчат), где некоторое время назад произошел пожар, и насчитал в нем более 25 печей! Печные трубы оказались ветхими, без надлежащей изоляции, крайне опасными в отношении возгорания. Архитектор приказал разобрать трубы до потолка, чтобы меж потолком и крышей была «разделка из кирпича». Но хозяин разобрал только 5 труб «в том самом корпусе, где случился пожар», а остальные остались без изменений. Дигби докладывает, что полиция должна обеспечить надзор за исполнением противопожарных мероприятий, причем следует обязать Портнова подпискою. Далее зафиксировано, что строения внутри двора крайне ветхи, безобразны и грозят падением: надо разломать их до основания. «Крыша же покрыта им вновь под главным корпусом двухэтажного дома по большой улице (то есть по проспекту. – О. Г.) из драниц произведена без всякого правила бесподобным и удивительным безобразием, так что и описать нельзя».¹³

Ларион Федорович Портнов – одесский именитый гражданин, известнейший фигурант ранней истории Одессы, солидный купец (торговал русским железом, мануфактурой, лесом и др., отдавал внаем свою недвижимость), крупный подрядчик, владелец одного из старейших домов в историческом центре,¹⁴ на углу Дерibasовской и Ришельевской (№ 5, впоследствии на этом месте возведен существующий до сих пор дом Ралли), где находились популярные трактирные заведения, а также лавок с жилыми покоями в так называемом Красном ряду,¹⁵ городской голова в 1798-1800 гг.¹⁶ Прибыл в Хаджибей еще в сентябре 1792 г., будучи орловским купцом 2-й гильдии, и построил дом в два с половиной этажа, субсидировал сооружение временной деревянной Николаевской церкви, спонсировал постройку Городового госпиталя, одним из первых ходатайствовал о необходимости строи-

Бывший дом Лучича в перестроенном виде: в ходе давней реконструкции надстроен этаж и видоизменен фасад

тельства кладбищенской церкви, получил два похвальных листа от одесских граждан.¹⁷

Дата устройства интересующего нас комплекса строений («более 20-ти лет», то есть не позже 1798 г.) хронологически несколько расходится с упоминавшимся планом Ферстера, однако едва ли на много (к слову, датировка этого плана сама по себе достаточно условна: он мог быть составлен и ранее 1802 г.). Почему? Во-первых, недвижимость Портнова в Красных рядах как раз в 1798 г. фиксируется цитировавшимися архивными материалами, собранными А. Орловым. Во-вторых, в журналах Строительного комитета от 19 июля 1806 г. находим прошение именитого гражданина Портнова к герцогу Ришелье о дозволении присоединить к его и соседей местам из 15 саженей улицы «за гостиными рядами, торгующими красным товаром» (располагались по проспекту и занимали два квартала, меж Троицкой и Почтовой улицами), хотя бы 5 саженей, поскольку они испытывают большое стеснение во дворах. Однако Ришелье отказал просителям, поскольку такая

прибавка сужала бы главную торговую магистраль и, разумеется, явно нарушала генплан.¹⁸ То есть в середине 1800-х комплекс интересующих нас строений представлен как давно сложившийся. Общеизвестно, что Красный (Гостиный) ряд функционировал уже в конце XVIII в.¹⁹ О давности постройки, понятно, свидетельствует и тот же износ кровли, печей и дворовых построек.

В 1818 г. Портнову было 65 лет, и он, судя по всему, подумывал о передаче имущества наследникам – супруге Наталии, сыновьям – Егору, Василию, Николаю, дочери Анне.²⁰ Недвижимость на Почтовой улице явно становилась обременительной, ее нелегко было реконструировать, в особенности после пожара. Понятно, что она досталась Лучичу, но при каких обстоятельствах? Исчерпывающий ответ находим в журналах Одесского строительного комитета от 14 января 1819 г., где изложено буквально следующее. Херсонская палата гражданского суда оформила купчую крепость: именитый гражданин Ларион Портнов продал одесскому купцу Филиппу Лучичу дом в IV квартале Военного форштата, № 29, 30, 31 и 32, со всеми строениями и землю за 28.000 руб. При этом оговаривается, что Портнов должен Комитету 5.000 руб., выданных ему займообразно в июне 1805 г., и еще 1.000 руб., выданных прежде того. В число погашения долга зачтены выполненные им работы по устройству набережной, 3.066 руб.²¹

О чем здесь идет речь? О том, что Строительный комитет ссужал достойных доверия горожан деньгами на домостроительство под скромные проценты,²² и Портнов тоже получал подобные ссуды. Что касается подряда на устройство набережной, то он надежно фиксируется сохранившимся архивным делом 1810 г. под названием «О покрытии Портновым набережной диким камнем вместо должных Комитету 6 тыс. рублей».²³ И чтобы завершить историю Портновых, прибавим: после кончины главы семейства (*не позднее сентября 1824 года*) его наследница, супруга Наталия, не осталась без имущества.²⁴ Правда, объявление Одесского сиротского суда от 1 мая 1837 г. о вызове наследников и должников после ее кончины²⁵ может означать, что благосостояние семейства к этому времени было, очевидно, подорвано.

Итак, что мы можем сказать о доме, который посещал Пушкин? Из синхронных примерно планов²⁶ видно: довольно про-

тяжелый одноэтажный «дворовой дом» Лучича (который, по мнению архитектора Дигби, следовало разобрать до основания) стоял параллельно Почтовой и имел форму клюшки, а на проспект выходил недлинный по фасаду «главный двухэтажный корпус» – тот самый, что горел, отчего на нем и латали крышу. Поскольку двухэтажный дом служил продолжением Красных рядов, постольку в нижнем этаже и размещались упоминавшиеся торговые помещения – четыре лавки со сводчатыми подвалами, а наверху – «жилые покои». Именно во втором этаже этого корпуса и проходили карточные бдения, ибо в полуразвалившихся одноэтажных дворовых постройках могла обитать разве что дворня, тут по обыкновению находились конюшни, каретный сарай, ледник, дровяной склад, нужные места и т. п.

Накануне продажи Портнов частично восстановил эти строения (кое-что, как мы видели, даже в принудительном порядке), однако они оставались ветхими, ибо расчетливый Лучич, конечно, не стал бы их кардинально реконструировать накануне слома и постройки нового здания. Поэтому в первой половине 1820-х владения его поистине поражали «бесподобным и удивительным безобразием, так что и описать нельзя». Вот и выходит, что явно плачевное состояние апартаментов притерпевшегося ко всему в Кишиневе и на прочих задворках Александра Сергеевича несколько не смущало – была бы игра и интересное общение.

И еще любопытный момент: выходит, поэт посещал экзотические, рельефные, пряные Красные ряды, где торговали мануфактурой, ювелирными изделиями, церковной утварью, «военно-офицерскими вещами», книгами, оптикой, стеклом, табаком, канцелярскими, москательными, колониальными и прочими элитарными товарами. Причем не только известные русские купцы Авчинников, Протасов, Андросов и др., но и греческие, немецкие, еврейские, армянские, караимские, молдавские коммерсанты.

Затем Лучич построил новый роскошный дом (1828 г.), по красной линии Почтовой улицы и отчасти Александровского проспекта, и с 1 октября 1838 г. в этом здании разместилась Херсонская духовная семинария.²⁷ После его кончины наследники продали семинарии дом и подсобные помещения, разумеется, вместе со всей землей.²⁸ Так или иначе, а мемориальный знак

тут был бы вполне уместен: Портнов, Лучич, Пушкин, Красные ряды, Духовная семинария – уж очень велика плотность меморий на этом перекрестке.

* * *

Далее по проспекту находились так называемые Гостиные (Красные) ряды, первый в истории Одессы центр элитарной торговли, за ними – Старый базар (Вольный рынок), исторически первый рынок города, далее – специализированные ряды (Резничный, Рыбный, Щепной) и Привозная площадь.

Гостиные (Красные) ряды

Формирование этого первого элитарного торгового центра Одессы мною тоже детально рассматривалось.²⁹ Основание его началось еще в 1797 году, после первичного устройства Вольного рынка. Старейший элемент, собственно Красный ряд, ограничен будущим Александровским проспектом, улицами Троицкой, Ев-

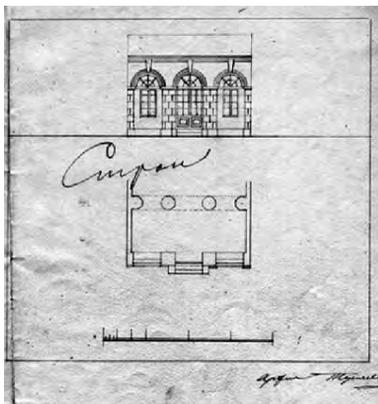
Часть перестроенного Авчинниковского ряда на углу Александровского проспекта и улицы Жуковского. Снимок Натальи Евстратовой, 2019 г.

рейской и Авчинниковским переулком. Но можно говорить и о Гостиных (Красных) рядах во множественном числе, ибо фактически их было три. С первым мы определились, он не обрел другого собственного названия, тогда как два других получили имена авторитетных купцов Авчинникова и Протасова.

Авчинниковский ряд находился по проспекту меж Еврейской, Почтовой улицами и одноименным переулком. Протасовский ряд располагался на противоположной стороне проспекта, меж улицами

Троицкой, Еврейской и Покровским переулком. Позднее его также называли Немецким и Караимским (Еврейским). В четвертом квартале этих рядов, напротив Авчинникова, была построена единоверческая Покровская церковь – это связано с тем, что Гостиный ряд и его ближайшие окрестности были местом компактного проживания довольно мощной старообрядческой общины. И таким образом здесь сформировался не только коммерческий, но специфический социальный центр.

Старообрядческая община сыграла выдающуюся роль в градостроительстве Одессы, каковая тема сама по себе достойна отдельного исследования. Здесь только обозначу ее. Если говорить о персоналиях, некоторые подробно представлены мною в издании «Автографы Одессы» (2012). В числе прихожан Покровского храма – такие известнейшие персонажи ранней истории города, как Федот Бирюков, Иван Андросов, Семен Андросов, Яков Протасов, Василий Авчинников, Иван Авчинников, Мартин Католиков, Сидор Калашников, Иван Богданов, Иван Соколов, Феоктист Шокин, Федор Густов, Осип Сапожников, Евдоким Виноградов, Яков Струнин, Илья Орлов, Николай Лифинцов, Осип Прохоров и многие другие. Поразительна плотность старообрядцев в числе

Стандартная одноэтажная лавка со стороны Покровского переуллка для владельцев примыкающих фасадных лавок в Протасовском ряду

первых городских голов: Илларион Портнов, Иван Мигунов, Иван Андросов, Семен Андросов, Яков Протасов, Иван Авчинников.

Приблизительно с 1797 по 1800-й планировалось построить три типовых отделения Гостиного ряда, из которых возведено одно. В 1800–1802 годах два других отделения формируются в несколько отличных обстоятельствах, однако в общих чертах Гостиные ряды в первые десятилетия своего существования выглядят относительно однородно. Наиболее презентабельно они смотрелись в 1820-х, после значимых улучшений в контроле типовой застройки «тематических рядов» при градоначальнике Н.Я. Трегубове. Именно тогда все три взаимосвязанных планировочно торговых центра на одной оси – Александровская площадь (включавшая два Бакалейных, Железный и Мелочный ряды), Гостиный ряд, Вольный рынок – постепенно обрели и общность архитектурного оформления. Все без исключения фасады, окаймлявшие проспект и площади, имитировали античную агору – колонны, галереи, портики. В 1821–1822 годах ОСК утверждает планы и фасады в классическом стиле многочисленных лавок в Гостиных рядах, принадлежащих одесским купцам Ивану Авчинникову, Семену Андросову, Алексею Попову, Гавриилу Протасову и др.

Окрестности Гостиного ряда по проспекту – одно из первых в городе мест, подвергшихся благоустройству. Это был, по существу, первый и единственный в то время бульвар. В принципе, по инициативе де Ришелье деревья высаживали по всем улицам центра, что отчетливо видно из упоминавшегося плана Фраполли 1807 года. Однако оградил лишь посадки по проспекту и на будущей Александровской площади. В журнале заседаний ОСК от 4 марта 1809 года отмечено предложение герцога Ришелье: «о сделании палисада по проспекту, для сбережения посаженных там на три отделения деревьев». На три отделения – то есть против трех кварталов Гостиного (Красного) ряда. Фраполли поручили составить смету, а городской полиции вызвать желающих взять подряд – на торги.

Озеленение осуществилось настолько успешно, что 9 октября 1819 года городской садовник Ганс Герман по приказанию графа Ланжерона нанял «подводы для перевозки из бульваров, подле Красных рядов состоящих, выкопанных деревьев для рассадки оных в округе плац-парадного места», то есть на месте будущего

Пале-Рояля. Тогда единовременно пересадили 140 «лишних» деревьев. В 1812-1813 годах подрядчиками Иваном Еройским и Федором Монако под надзором адъютанта герцога Ришелье графа Рошешуара были замощены примыкающие к этому ряду тротуары.

На первом этапе функционирования Гостиные ряды фактически представляли собой площадь, подобную и соразмерную будущей Александровской. Но, в отличие от последней, они были выдвинуты ближе к оси проспекта, за счет чего примыкающие к ним с тыла переулки (улицы) оказывались шире. В том и другом случае застройщикам не хватало именно ширины отведенных под лавки мест, ибо они должны были дополняться двором, служебными и хозяйственными помещениями. Это обстоятельство объясняет постоянные обращения владельцев лавок о прирезке к их местам земли со стороны переулков. Уже 19 июля 1806 года одесский именитый гражданин Ларион Портнов от имени всех соседей просил де Ришелье прибавить хотя бы

Изнанка лавок с колоннами Красного ряда во дворе дома по Авчинниковскому переулку, № 13.
Снимок автора, начало 2010-х

пять саженей из 15-ти «улицы за гостиными рядами, торгующими красным товаром». Однако последовал отказ со ссылкой на отклонение от высочайше утвержденного плана. Впоследствии такие прирезки все же санкционировались, в первую очередь – к Авчинниковскому ряду, далее – к соседнему, в результате чего тыльная улица и трансформировалась в переулок (Грязный, Авчинниковский).

Так или иначе, Гостиные ряды и весь проспект меж Греческим и Старым базаром в пушкинское время представляли собой довольно примечательное зрелище не только в историко-архитектурном отношении, но и по благоустройству. Надо полагать, несколько необычно вписывалась в этот «античный городок» единовременная Покровская церковь. Впрочем, как мы говорили, она стояла в обособленном квартале.

Изначально в этих рядах торговали в основном качественными товарами российского производства, прежде всего, мануфактурой, «военно-офицерскими» и «церковными вещами». Характерно, что именно в здешних лавках совершал закупки и сам Строительный комитет: холст, бумагу, амбарные книги, нитки, тесьму, чернильницы, песочницы, ножницы, лопаты, грабли, тачки, печные комплекующие, уголь, кровельное железо, гвозди, свечи, подсвечники, краски, ножи, сургуч, многое другое. Здесь можно было приобрести церковные книги и утварь, ювелирные изделия, русское стекло, охотничьи принадлежности, кожаные изделия, столовые приборы и белье, самовары, подносы, медную посуду, заказать металлическую печать и т. д. В Протасовском ряду, да и в других, постепенно стали появляться предметы роскоши из Европы, вплоть до гравюр и эстампов. Правда, цены на хороший товар, даже отечественный, запрашивались немалые.

* * *

Ранняя история Покровского храма изложена мною в монографии «История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета» (2015). Что касается настоятеля протоиерея *Феодора Карасева* (1767–1833), то принадлежавшая ему недвижимость находилась рядом с церковью, на углу ны-

нешнего Покровского переулка (№ 5) и Еврейской улицы. Основное строение выглядело неказисто. 11 июля 1819-го архитектор Фраполли свидетельствует, что дом «без плана, в шесть окошек, из которых четыре сделаны верно, а два фальшиво». Место в 1802-м уступлено Карасеву прапорщиком Гавриилом Гурьевым.³⁰

Здесь же уместно помянуть обитавшего неподалеку первого одесского пастыря протоиерея *Евдокима Сергеева* (1756 – 9.XI.1830) судьба которого после 1803-го неизвестна даже специалистам по церковной истории.³¹ С 1794-го он находился в Одессе как полковой священник Нижегородского мушкетерского полка, с которым прибыл из Азова, а ранее служил в Ростове. В августе 1795-го переведен к новостроящейся Екатерининской церкви; фактически временный храм располагался, как уже упоминалось, в отдельном строении «военного городка». В 1796-м назначен настоятелем временной Свято-Николаевской соборной церкви, о которой я тоже уже сообщал. В этом храме Сергеев служил до 1803 года.

Из журналов заседаний Одесского строительного комитета следует, что в 1795-м инженерная команда отвела ему место № 23 в III квартале Военного форштата. Ныне это территория застройки домом № 4 в переулке Нечипоренко (Авчинниковском). Сергеев выстроил дом «по тогдашнему плану», имел открытый лист, полученный непосредственно от Иосифа де Рибаса, однако в период чумной эпидемии 1812 года этот документ был утрачен. В январе 1819-го архитектор Дигби освидетельствовал эту недвижимость и нашел, что дом выстроен на шести саженях высотой в четыре сажени. Габариты всего места: 15 и две трети сажени по улице и 30 поперек. В принципе, в 1818-м было принято решение возводить в этом ареале дома не ниже двух этажей. Однако с учетом того, что данное одноэтажное здание существует с давних пор, оно может оставаться таким, как есть. И Сергеев получил новые владельческие документы.³² 17 октября 1822 года протоиерей Евдоким Сергеев получил также и открытый лист на 25-десятинный хутор, который обзавел по правилам ранее.³³ Согласно архивным документам, он получил этот участок 15 апреля 1811-го.³⁴

Старый базар (Вольный рынок)*

Трудно сказать, добирался ли когда-нибудь Александр Сергеевич до этого торжища, по тем временам весьма отдаленного. По нынешним меркам, подобная отдаленность – шесть кварталов от Дерибасовской – представляется смехотворной. Однако при тогдашнем состоянии мостовых, тротуаров, сточных канав, мостков (переходов) через улицы, всепроникающей пыли – это больше похоже на марш-бросок. Да и что бы ему делать на Старом базаре, окаймленном тогда архаичными лавками и лавчонками, устроенными в самом младенчестве Одессы? Правда, помимо продовольственного рынка тут функционировал «толчок», и среди подержанных вещей, всякого барахла можно было наткнуться на хорошую книгу или антикварный раритет. Уж не ведаю, могло ли такое послужить поводом к соблазну.

Возможно, кому-либо явится мысль, будто пушкинский «дядька» Никита Козлов бегал сюда за продуктами для своего господина. Шучу, конечно.

Разумеется, регулярно столоваться в ресторации Отона – непозволительная роскошь. Периодические посещения – дело дружное. Но как же тогда устраивались с питанием? Очень просто: оно заказывалось в ближайших приличных трактирных заведениях, откуда доставлялось прислугой, либо, скажем с ухмылкой, потреблялось на месте «в компании таких же дружков». Обходилось это значительно дешевле. Подобная процедура неоднократно описана, даже князь Долгорукий не брезговал, причем «за разумную плату».³⁵ Скорее всего, таким заведением была недорогая греческая ресторация Димитраки, о которой мы уже говорили.

Был ли Пушкин на Вольном рынке, не был ли, но все же обозначу ареал, каким он видится, ссылаясь на свою монографию по истории градостроительства.³⁶ Без этого картина города была бы неполной.

Основываясь на материалах из Московского архива министерства юстиции, А. Орлов сообщает следующее: «В июле 1796 г. по-

* Более детально история этого рынка и специализированных торговых рядов прослежена в моей монографии «История градостроительства Одессы» (2015).

дано в Магистрат прошение за подписью 22 граждан о том, что на отведенном по плану месте построили они каменные лавки, по стоимости каждая от 400 до 500 руб., а с пристройками и погребками доходит каждая более 1.000 руб. Между тем иногородние промышленники для временной торговли построили между их лавками шалаша, и тем не только причиняют им подрыв в торговле, но и угрожают опасностью на случай пожара. А как ныне предположено отвести им особое место для постройки шалашей, то чрез это они как оседлые жители невольно должны будут нести постоянный убыток, а потому и просили не позволять им строить шалашей, а желающие торговать пусть строят каменные лавки или нанимают таковые у них». Магистрат донес об этом де Волану, и тот 27 июля 1796 г. предписал инженер-капитану Кайзеру приостановить отвод мест под шалаша иногородним промышленникам, уже выстроенные снести, а желающим строить каменные лавки обращаться с прошениями об отводе на общих основаниях.

Сюжет этот можно подкрепить названием несохранившегося дела от 26–28 июля 1796 г., найденного в одной из описей фонда Одесского городского магистрата: «По прошению одесских жителей о уважении им преимущественно против иногородних промышленников, торгующих промежду их лавок шалашами, в рассуждении понесенных оными жителями на востроение лавок убытков». По всему видно, что каменные лавки на момент конфликта уже некоторое время функционируют. Подобную датировку подтверждают и другие архивные материалы, в частности, связанные с дальнейшей перепродажей и вообще переходом означенных лавок в другие руки. В таких случаях нередко фиксируется предыстория означенной недвижимости.

О полноценном функционировании Вольного рынка, по крайней мере летом 1796 г., свидетельствует и наличие здесь института городских мер и весов, отданных в откуп городскому старосте – греческому купцу Ивану Беломорскому, прибывшему в нарождающуюся Одессу «из Архипелага», то есть Ионических островов, в 1794 году, с 1797-го купцу первой гильдии. О давности домов с лавками по периметру площади Вольного рынка говорит и то, что уже в конце XVIII века некоторые из них выставлялись на продажу.

Старый базар. Литография Карло Боссоли, 1836 г.

В первое десятилетие существования Вольного рынка тут построились по разным поводам фигурирующие в источниках по региональной истории: российские купцы и мещане Андросов, Тихов, Яловигов, Бодянский, Кухаревский, Струнин, Веремеевский, Соколов, Злобин, Нерубайский, прапорщик Добровольский, дворянин Лещенко, «цесарский дворянин» Дукович, греческие коммерсанты Мораити, Конис и другие. Одним из первых застройщиков был и белевский купец Суровцов.

Название *Старый базар* применительно к Вольному рынку появилось, разумеется, лишь после устройства Нового базара, да и то не тотчас, ибо сам Новый базар на первом этапе существования отождествлялся с Херсонской площадью, на которой находился. Название *Вольный рынок* оставалось в официальном обиходе, по крайней мере в начале 1830-х годов. Все четыре отделения (квартала) Старого базара и примыкающие к ним четвертушки рыночной площади впоследствии получили имена наиболее значимых локальных домостроителей – состоятельных купцов Черепенникова, Яловигова, Посохова (Кумбари) и Шишманова. Как видно из плана Одессы, составленного архитектором Торичелли в 1828 году, в каждом отделении рынка на-

Площадь Старого базара в 1860-х гг.

считывалось по 28 лавок (мест). Одно «рыночное место» было стандартным – 3 сажени по фасаду и 15 в длину, в направлении прилежащих переулков и улиц. Первоначально многие из них застраивались торговыми помещениями в один этаж, а жилые и хозяйственные постройки находились в тылу. Затем, в особенности после перепродажи более состоятельным фигурантам, надстраивались вторым этажом.

В принципе, история формирования ансамбля площади (точнее – четырех локальных площадей) Старого базара в 1830-е годы известна лучше, нежели многие другие ретроспективные градостроительные сюжеты. Но это уже другая эпоха. В интересующее нас время все отделения были одноэтажными, в архитектурном отношении невзрачными, некоторые лавки строились на скорую руку с использованием бутового камня. Но свое назначение – в самую первую, самую тяжкую годину основания города – они успешно выполнили.

Можно живо представить себе, сколько безобразия нашел бы Поэт, буде ему пришлось тут очутиться.

Продолжение следует

Примечания

- ¹ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... – Одесса: Друк, 2001, с. 60.
- ² Одесса: 1794–1894. Издание Городского общественного управления. – Одесса, 1895, с. 791.
- ³ «Новороссийский календарь на 1837 год». – Одесса, 1836, с. 113.
- ⁴ Пушкин. Статьи и материалы. Под редакцией М. П. Алексеева. Выпуск III. – Одесса, 1926, с. 66.
- ⁵ Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: Наука, 1989, с. 243.
- ⁶ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. – Ленинград: Наука, 1991, с. 355, 440, 556.
- ⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 973. – 5 л.
- ⁸ Согласно генеральному плану, составленному Торичелли в интервале 1827–1828 гг. – ОГИКМ, инв. № К-605.
- ⁹ Застроение города Гаджибея, теперь Одессы, в 1794 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.
- ¹⁰ ОГИКМ, инв. № К-600.
- ¹¹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 710-711.
- ¹² Там же, л. 713–714.
- ¹³ Там же, л. 611–612.
- ¹⁴ К. Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 39.
- ¹⁵ Олег Губарь. Новые вопросы о старой Одессе. – Одесса: Optimum, 2007, с. 145–146.
- ¹⁶ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 50; Одесса: 1794-1894. Издание Городского общественного управления. – Одесса, 1894, с. XVIII, 72, 231, 232, 791; В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... – Одесса: Друк, 2001, с. 28.
- ¹⁷ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XII. – Одесса, 1881, с. 461-462; Одесская старокладбищенская Всех Святых церковь. (Исторический очерк). Составил П. А. Т. – Одесса, 1899, с. 3; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 309-310.
- ¹⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 32.
- ¹⁹ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 20, 106 л.; К.Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 60. Красные ряды, разумеется, обозначены и на упоминавшемся плане Ферстера.
- ²⁰ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 106, 123, 132.
- ²¹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 35.
- ²² Смотри, например, ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 20. –173 л.

- ²³ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 32, 86 л.
- ²⁴ Смотри, например, ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1573, 8 л.; оп. 2, д. 232. – 15 л.
- ²⁵ Одесский вестник. – 1837, 1 мая.
- ²⁶ План Дж. Торичелли, на который я уже ссылался, и план Ф. Фраполли 1814 года.
- ²⁷ Одесса: 1794–1894. Издание Городского общественного управления. – Одесса, 1894, с. 643.
- ²⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 621. – 6 л.; Одесская старина. – Одесса, 1869, с. 52-53.
- ²⁹ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 223-236.
- ³⁰ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 164, ч. I, л. 842, 843, 844, 845.
- ³¹ Духовенство Одессы: 1794–1925. – Одесса, 2012, с. 416-417.
- ³² ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 20.
- ³³ Там же, ф. 59, оп. 3, д. 46. – 6 л.
- ³⁴ Там же, ф. 4, оп. 3, д. 570А, л. 12.
- ³⁵ И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 136, 174.
- ³⁶ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 89-104.

